

Волосы. Ги де Мопассан

Выбеленные известкой стены палаты были голы. Эту белую и угрюмую комнату освещало узкое окно с решеткой, прорезанное почти под потолком. Сумасшедший сидел на плетеном соломенном стуле и смотрел на нас неподвижным, мутным и тревожным взглядом. Он был очень худ, щеки у него ввалились, волосы были с сильной проседью и, очевидно, поседел в несколько месяцев. Одежда казалась слишком широкой для его исхудавшего тела, для узкой груди, для впалого живота. Чувствовалось, что этот человек не в своем уме: какая-то мысль, одна-единственная мысль гложет его, как червяк гложет плод. В этой голове, упорно мучая и снедая человека, гнездились безумие, навязчивая идея. Она мало-помалу пожирала его. Невидимая, неосозаемая, неуловимая, бесплотная идея истощала его тело, высасывала его кровь, угасая в нем жизнь

Какой загадкой был этот сумасшедший, ставший жертвой мечты! Какое гнетущее, страшное и жалкое впечатление производил этот одержимый! Какая необычная, ужасная и смертоносная мечта таилась за этим лбом, который она бороздила глубокими, непрестанно движущимися морщинами.

Доктор сказал мне:

— У него бывают ужасные приступы бешенства; и, право, таких своеобразных сумасшедших я еще не встречал. Он поражен безумием эротического и вместе с тем загробного характера. Это род некрофилии. Впрочем, он вел дневник, свидетельствующий самым наглядным образом о его психическом заболевании. В этих записях его безумие становится, так сказать, осязаемым. Можете просмотреть этот человеческий документ, если он вас интересует.

Я пошел с доктором в его кабинет, и он вручил мне дневник этого несчастного.

— Прочтите, — сказал он, — и скажите ваше мнение.

Вот что было в переданной мне тетради.

До тридцати двух лет я жил спокойно, не ведая любви. Жизнь казалась мне очень несложной, очень приятной и очень легкой. Я был богат. Столь многое привлекало меня, что ни к чему в особенности я не мог испытывать пристрастия. Как хороша жизнь! Каждое утро я просыпался счастливым, делал все, что мне хотелось, и вечером засыпал, исполненный удовлетворения, мирной надежды на завтрашний день и беззаботное будущее.

У меня было несколько любовниц, но сердце мое ни разу не испытало безумной страсти, душа ни разу не была потрясена любовью после физического обладания. Хорошо так жить. Любить, конечно, лучше, но страшно. Те, кто любит, как все люди, должны испытывать жгучее счастье, но все же меньшее, чем мое, потому что любовь настигла меня самым невероятным образом.

Будучи богат, я собирал старинные вещи, старинную мебель и часто думал о неведомых руках, которые касались этих вещей, о глазах, которые с восторгом смотрели на них, о сердцах, которые их любили, потому что вещи можно любить! Нередко я часами, долгими часами, рассматривал маленькие часики минувшего столетия. Отделанные эмалью и чеканным золотом, они были так изящны, так красивы. И они все еще шли, как в тот самый день, когда их купила женщина, радуясь мысли, что она владеет этой драгоценностью. Они еще не перестали трепетать, жить своей механической жизнью и все так же тикали, как в прошлом веке. Кто первая носила их у себя на груди, в тепле тканей, где сердце часов билось возле сердца женщины? Какая рука держала их кончиками горячих пальцев, поворачивала их и протирала фарфоровых пастушков на крышке, тускневших на миг от прикосновения влажной кожи? Чьи глаза, следили по этому циферблату, украшенному цветами, как близится долгожданный час, час дорогой, час божественный?

Как хотелось бы мне узнать и увидеть ту женщину, которая выбирала для себя эту изысканную, редкую вещь? Она мертва! Меня влечет к женщинам прошлого; сквозь даль веков я вижу и люблю всех тех, которые любили когда-то. История давно минувших ласк наполняет мое сердце сожалением. О, красота, улыбки, юные ласки и надежды! Разве все это не должно быть вечным?

Сколько ночей провел я, оплакивая бедных женщин былого, столь прекрасных, столь нежных, столь милых, открывавших объятия и даривших поцелуи, а ныне мертвых! Но поцелуй бессмертен! Он переходит с уст на уста, из одного столетия в другое, от одного возраста в другой. Люди получают его, дарят и умирают.

Прошлое меня привлекает, настоящее страшит, потому что будущее — это смерть. Я сожалею о всем прошедшем и оплакиваю всех тех, которые уже прожили свою жизнь; мне хотелось бы остановить время, остановить час. Но он идет, он идет, он проходит, с каждой секундой он отнимает у меня частицу меня самого и близит небытие. И я никогда не воскресну.

Процайте, женщины минувших лет. Я люблю вас.

Но я не нуждаюсь в жалости. Я нашел ту, которую искал, и она дала мне изведать безмерное наслаждение.

Однажды солнечным утром я бродил по Парижу, осматривая лавки рассеянным взором человека, вышедшего на прогулку; на душе у меня было празднично, ноги ступали уверенно и бодро. Вдруг я заметил у одного из антикваров итальянский шкаф XVIII века. Он был очень красив и представлял большую редкость. Я приписал его венецианскому мастеру по имени Вителли, славившемуся в ту эпоху.

Затем я прошел дальше.

Почему, однако, воспоминание об этом шкафе стало меня преследовать с такой силой, что я вернулся назад? Я снова остановился у магазина, чтобы увидеть его, и почувствовал, что он начинает меня соблазнять.

Какая непостижимая сила — соблазн! Смотришь на какой-нибудь предмет, и вот незаметно он начинает тебя пленять, волновать,

захватывать, точь-в-точь как лицо женщины. Мало-помалу проникаешься его очарованием, тем странным очарованием, которое исходит от формы, оттенков, всего внешнего облика предмета, — и вот уже любишь его, желаешь, хочешь. Тебя пронизывает потребность обладания, потребность, вначале скромная и даже робкая, но затем возрастающая, настойчивая, непреодолимая.

По-видимому, продавцы по горящему взгляду догадываются о тайном и все возрастающем желании покупателя.

Я купил этот шкаф, велел немедленно доставить ко мне на дом и поставил его в моей комнате.

Как я жалею тех, которые не знают, что такое медовый месяц коллекционера с только что купленной вещью. Ее ласкаешь взглядом и рукою, словно она из плоти и крови, к ней поминутно возвращаешься, о ней постоянно думаешь, куда бы ни пошел, что бы ни делал. Любовное воспоминание о ней преследует тебя на улице, в обществе, всюду, а возвратившись домой и не успев еще снять шляпы и перчаток, спешишь посмотреть на нее с нежностью любовника.

С неделю я предавался обожанию купленной мною вещи. Я ежеминутно открывал дверцы, выдвигал ящики шкафа, с восторгом поглаживал его, вкушая все тайные радости обладания.

Но вот однажды вечером, определяя на ощупь толщину одной из панелей, я решил, что в ней, несомненно, устроен тайник. Сердце мое сильно забилось, и я провел всю ночь в поисках потайного ящика, но не мог его обнаружить.

Мне удалось это сделать на другой день, когда я вдавил деревянную пластинку в желобок панели. Одна из досок отошла, и я увидел на дне ящика, обитого черным бархатом, чудесные женские волосы.

Да, там были волосы, длиннейшая коса белокурых почти рыжих волос, которые срезали, видимо, у самого корня и перевязали золотым шнуром.

Я был изумлен, взволнован, потрясен. От этого таинственного ящика и от этой поразительной реликвии исходил аромат, почти неуловимый, столь давний, что он казался душой прежнего запаха.

Осторожно, почти благоговейно, я взял косу и вынул ее из тайника. Она тотчас же развернулась и хлынула до самого пола золотым потоком, густая и легкая, гибкая и сверкающая, словно хвост кометы.

Меня охватило странное волнение. Что же это было? Когда, каким образом, почему были спрятаны в шкаф эти волосы? Какое событие, какая драма скрывается за этой памяткой?

Кто обрезал эти волосы? Любовник ли в день разлуки? Муж ли в день отщепенца? Или же та, чью голову они обвивали, в день утраты всех надежд?

Не в час ли заточения в монастырь было брошено сюда это сокровище любви, как залог, оставленный миру живых? Не в час ли погребения молодой прекрасной покойницы тот, кто пламенно любил ее, сберег украшение ее головы, — единственное, что он мог сохранить, единственную живую часть ее плоти, которая не подвергнется тлению, единственное, что он мог еще любить, ласкать и целовать в исступлении скорби?

Разве не странно, что эти волосы сохранились, тогда как не осталось ни малейшей частицы тела, которое взрастило их?

Коса струилась по моим пальцам, щекоча кожу, прикасаясь к ней какой-то особенной лаской, лаской покойницы. Я был растроган, я чуть не заплакал.

Я долго, очень долго держал косу в руках, но вдруг мне показалось, что она начинает шевелиться, как живая, словно частица души затаилась в ней. И я положил ее обратно на потускневший от времени бархат, задвинул ящик, запер шкаф и ушел бродить по улицам и мечтать.

Я шел своей дорогой, исполненный грусти и волнения, того волнения, которое остается в сердце от поцелуя любви. Мне казалось, что я уже жил когда-то и должен был знать эту женщину.

И стихи Вийона[1], словно подступающее к горлу рыдание, напрашивались мне на уста:

Скажите, где, в стране ль теней,

Дочь Рима, Флора, перл бесценный?

Архилла где? Таида с ней,

Сестра — подруга незабвенной?

Где Эхо, чей ответ мгновенный

Живил когда-то тихий брег,

С ее красою несравненной?

Увы, где прошлогодний снег!

...

Где Бланка, лилии белой,

Чей всех пленял напев сиренный?

Алиса, Биче, Берта, чей

Призыв был крепче клятвы ленной?

Где Жанна, что познала, пленной,

Любовь и смерть за славный грех?

Где все, владычица вселенной?

Увы, где прошлогодний снег!

Вернувшись домой, я почувствовал неодолимое желание вновь увидеть мою странную находку; я снова достал ее, и, когда прикоснулся к ней, длительная дрожь охватила все мое тело.

Однако в продолжение нескольких дней я находился в обычном для себя состоянии, хотя настойчивая мысль об этой косе ни на одно мгновение не покидала меня.

Как только я входил в комнату, мне уже необходимо было ее видеть и взять в руки. Я поворачивал ключ в шкафу с таким трепетом, словно открывал дверь в комнату возлюбленной, потому что и руки и сердце пронизывала смутная, необычная, упорная и чувственная потребность погрузить пальцы в этот пленительный поток мертвых волос.

И когда я переставал ласкать их, когда я снова запирали шкаф, я всякую минуту чувствовал, что они там, словно это было живое существо, спрятанное или пленное; я чувствовал их близость, и вновь меня обуревало желание, властная потребность взять их в руки, ощупать и болезненно взволновать себя этим прикосновением, холодным, скользким, раздражающим, сводящим с ума и упоительным.

В таком состоянии я прожил месяц или два, не помню точно. Мысль о волосах была со мною неотступно. Я жил в счастливой истоме, в ожидании любви, словно после признания, предшествующего объятиям.

Я запирали наедине с косою, чтобы ощутить ее прикосновение, чтобы погружать в нее губы, чтобы целовать ее и кусать. Я обвивал ею лицо, я захлебывался в ней, я топил свои глаза в золотой волне волос и смотрел сквозь них на белый свет.

Я любил ее! Да, я любил ее. Я больше не мог без нее жить, не мог уже и часа провести без того, чтобы не посмотреть на нее.

И я ждал... я ждал... Кого? Я и сам не знал. Я ждал — Ее.

Как-то ночью я внезапно проснулся с мыслью, что я не один в комнате.

Между тем я был один. Но я не мог заснуть, я долго метался в лихорадке бессонницы и наконец встал, чтобы достать косу. Она показалась мне более мягкой, чем обычно, более одушевленной. Не возвращаются ли умершие? Поцелуи, которыми я согревал ее, наполняли меня таким блаженством, что я почти потерял сознание; я унес волосы в постель и лег, прижимая их к губам, как любовницу после обладания ею.

Мертвые возвращаются! Она пришла. Да, я ее видел, я держал ее в объятиях, я обладал ею такую, какой она была когда-то в жизни — рослой, белокурой, полной; ее груди были прохладны, бедра имели форму лиры; следуя за всеми изгибами тела, я покрывал ее поцелуями вдоль той божественной волнистой линии, которая идет от шеи к ногам.

Да, каждый день, каждую ночь я обладал ею. Она — Покойница, Прекрасная Покойница, Обожаемая, Таинственная, Неведомая — возвращалась ко мне каждую ночь.

Мое счастье было безмерно, и я не мог его скрывать. Я испытывал возле нее сверхчеловеческий восторг, глубокую, неизъяснимую радость обладания Ею, Неосязаемой, Невидимой, Мертвой! Никто из любовников не изведал наслаждений более пламенных, более страшных!

Я совершенно не умел скрывать свое счастье. Я любил косу так сильно, что больше с нею не расставался. Я всегда и всюду носил ее с собою. Я гулял с нею по городу, как с женой, и брал ее с собою в решетчатые ложи театра, как любовницу... Но вот ее увидели... узнали... отняли у меня... А самого меня бросили в тюрьму, словно какого-нибудь злодея... Ее отняли у меня!.. О горе!..

Рукопись на этом обрывалась. И вдруг, как только я растерянно поднял на доктора глаза, в убежище для душевнобольных раздался ужасный крик, рев бессильного бешенства и ожесточенного желания.

— Вот, послушайте, — сказал доктор. — Приходится пять раз на день ставить под душ этого непристойного безумца. Среди моих пациентов лишь один сержант Бергран любил покойниц.

Потрясенный удивлением, ужасом и жалостью, я пробормотал:

— Но... эти волосы... они действительно существуют?

Доктор поднялся, открыл шкаф с пузырьками и медицинскими инструментами и перебрал мне через весь кабинет длинную прядь

белокурых волос, которая долетела до меня, как золотая птица.

Я содрогнулся, когда мои руки ощутили ее легкое ласкающее прикосновение. И сердце у меня забилося от отвращения и желания: от отвращения, словно я дотронулся до чего-то, причастного к преступлению; от желания, словно меня искушало что-то нечистое и таинственное.

Доктор заметил, пожимая плечами.

— Рассудок человека способен на все.

Примечания

Напечатано в «Жиль Блас» 13 мая 1884 г. под псевдонимом Мофриньёз.

1 Вийон (ок. 1431—1463) — знаменитый французский средневековый лирический поэт; цитируется его «Баллада о дамах былых времен» в переводе Валерия Брюсова.